

ПРОИЗВОДСТВО ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК МЕХАНИЗМ ПОДАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЙ, ТЕХНОЛОГИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ

Семёнов Евгений Васильевич

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра РАН,
Москва, Россия

eugen.semenov@inbox.ru

DOI: 10.19181/smtp.2020.2.1.4

АННОТАЦИЯ

Накануне краха Советского Союза государственное управление научно-технологической сферой всё больше смещалось в сторону тотального использования такого «инструмента», как оценочные показатели. В статье приводятся примеры анализа пагубных последствий административно-командного принуждения советской науки к производству показателей в двух монографиях В. Л. Тамбовцева (1990 и 1993 гг.) и в монографии Е. В. Семёнова (1990 г.). Опыт этого анализа тридцатилетней давности стал вновь актуальным в связи с восстановлением в России начиная с 2012 года системы административно-командного управления наукой, в основе которого лежит принуждение науки к производству показателей.

В статье показано, как под давлением производства показателей происходит трансформация науки из производства знаний в производство информационного шума. Показано, что научное производство в условиях «показательного» управления вынуждено переориентироваться с производства знания для его потребителя на производство показателей для администратора. Работа на показатели ведёт к деградации научных организаций и снижению профессионального уровня научного сообщества. Ситуация усугубляется катастрофическим снижением профессионального уровня государственных чиновников, отвечающих за научно-технологическую политику и управление научно-технологической сферой.

Выход из создавшегося положения возможен за счёт массового возвращения в систему государственного управления наукой, начиная с ключевых позиций, категории профессионалов, за счёт пересмотра системы целей и задач научно-технологического развития страны, в том числе замены формальных показателей и нормативов содержательными целями и задачами, за счёт возрождения системы самоорганизации и широкого самоуправления научного сообщества, за счёт запуска инновационной системы, позволяющей переключить научное производство с отчётов перед администратором на производство знаний, компетенций, опытно-конструкторских и технологических разработок для реального сектора экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

научное производство; производство знаний; производство показателей; работа на показатели; административно-командная система; научно-технологическая политика; управление научно-технологической сферой.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Семёнов Е. В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // *Управление наукой: теория и практика.* 2020. Т. 2. № 1. С. 69–93.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.4

Для управления какой-либо системой постоянно необходима информация о состоянии этой системы. Наука как объект государственного управления не является исключением. Управляющая система должна знать необходимые для принятия решений параметры управляемой системы. Для этого используется такой инструмент, как показатели. Без этого инструмента контроля в управлении наукой не обойтись. В науке это понимают все.

Почему же тогда действия органов государственного управления по внедрению в управление наукой системы показателей воспринимаются сейчас исследователями и организаторами науки как вредные и разрушительные? Вводятся не те показатели? Да, отчасти дело в этом, и об этом аргументированно говорят многие специалисты. Но ещё важнее сам способ использования показателей в качестве инструмента управления наукой, роль показателей в управленческой практике. Дело ещё и в целях этой «показательной» и «показушной» политики, и в механизмах её реализации, т. е. в низком качестве стратегического планирования и неэффективном управлении.

Цели государственной научно-технологической политики в современной России формулируются, судя по всему массиву концептуальных и программных государственных документов, недостаточно чётко, содержательно и конструктивно. Их явно формулируют не те, кто обладает практическим опытом и умеет ставить и реализовывать цели и задачи, а те, кто специализируется на составлении речей. Такое сейчас время – время спичрайтеров, советников и прочих, говоря словами А. Н. Толстого, «тайных нашёптывателей в ухо».

Ещё хуже, чем с постановкой содержательных конструктивных целей, обстоят дела с их реализацией. Цели государственной научно-технологической политики в России радикально искажаются способами её реализации, что в значительной степени обесценивает и её результаты. Низкое качество постановки целей и задач, декларативных и расплывчатых, усугубляется применяемыми для их реализации механизмами и инструментами управления. Чтобы практика реализации замыслов стала такой, как задумано, а не «как всегда», необходимо понять, почему и каким образом исполнение искажает замысел.

НЕКОМПЕТЕНТНЫЕ КАДРЫ И ВОЗРОДИВШАЯСЯ НЕЭФФЕКТИВНАЯ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ

Природа искажения замысла в процессе его исполнения, как это видно из анализа научно-технологической политики и практики государственного управления сферой НИОКТР, двояка. Есть сознательное, фактически преступное искажение замысла посредством его подчинения посторонним, часто коррупционным, интересам. И есть искажение неумышленное, по не-

компетентности чиновников и неадекватности используемых ими инструментов управления.

Скажем, если государство поставило цель аттестации кадров высшей квалификации и создало для этого систему механизмов и инструментов, а те стали в массовом порядке штамповать ворованные диссертации, то имеет место не просто техническая ошибка или некомпетентность. Это – преступность. Масштаб этой преступности в современной России, как это видно из докладов, подготовленных Вольным сетевым сообществом «Диссернет», просто огромен¹. Если государство выделило финансирование на определённые им приоритеты и поручило выполнение этой задачи каким-то органам государственного управления, а финансовые средства не полностью доходят до своего адресата из-за разного рода систем отката, то имеет место не просто некомпетентность, а весьма компетентная преступность. «Уверю вас, – замечает Ж. И. Алфёров, – что нынешнее конкурсное финансирование – это не решение проблем, а часто просто распиливание денег» [1]. Можно сказать, что вместо размещения государственного заказа на конкурсной основе сложилась система размещения псевдогосударственного заказа на квазиконкурсной основе. Исправить сложившееся положение трудно, но здесь хотя бы всё очевидно.

Но существуют и более сложные случаи, связанные с некомпетентным управлением, недостаточной квалификацией управленческих кадров и, как следствие, нечёткой постановкой целей и задач, неадекватными целям методами управления, неправильно выбранными и неумело используемыми механизмами и инструментами управления. Современная практика государственного управления сферой НИОКТР в России даёт в этом отношении поразительно богатый материал для исследований.

И если относительно преступных форм искажения государственной политики и государственного управления в обществе есть хотя бы общее понимание и консенсус, которые при появлении политической воли могут быть решительно воплощены в жизнь, то ситуация с обезволивающей весь государственный механизм управления некомпетентностью сложнее. Здесь будет мало одной решительности, если такая вдруг появится, потребуются ещё понимание и умение. Формирование профессионального управления наукой – это созидательная задача, что всегда сложнее. Требуются адекватные сложности задачи высокопрофессиональные кадры. Без них не выстроить систему государственного управления наукой. А их-то как раз извели в системе управления почти под корень.

Сложившаяся в современной России система государственного управления наукой, основанная на подборе далёких от профессии и чуждых научной сфере менеджеров, фактически превратилась в подбор случайных людей. Эта система буквально добывает остатки профессионализма в сфере государственного управления наукой. В советский период считалось, что лишь сельским хозяйством и культурой может управлять кто угодно. Сейчас список таких отраслей и сфер деятельности значительно расширился.

¹ См. серию докладов на сайте «Диссернет» (URL: <https://www.dissernet.org>), особенно Доклад «Структура, объём и ключевые игроки диссеродельной индустрии в России».

Необходимо радикально развернуть этот процесс и перенастроить бюрократический 3D-принтер.

На наших глазах над Министерством обороны был произведён эксперимент, подтвердивший давно известную истину о роли кадров в управлении. Из МЧС в Минобороны был переведён талантливый и профессиональный руководитель. За короткое время первое ведомство деградировало, а второе возродилось. В системе государственного управления наукой требуются не менее глубокие качественные изменения, чем в оборонной сфере. И кадровая политика здесь имеет чрезвычайно большое значение. Хотя и кадры ещё далеко не всё. Дело ещё в устройстве системы управления наукой. Но и эту важнейшую задачу невозможно решить без профессиональных управленческих кадров. Задача возвращения в систему государственного управления наукой категории профессионалов является важнейшим и обязательным условием выправления сложившегося положения.

Утвердившаяся в современной России система управления наукой при ряде отличий от прежней советской в принципе относится к той же модели административно-командного управления с его гипертрофированной иерархичностью и связанным с ней движением лавины директив сверху вниз и отчётов снизу вверх. В таких условиях производитель знаний зависит не от его потребителя, а от администратора, который потребляет не продукт науки, а показатели. Бюрократическая регламентация, мелочная и бессодержательная, подавляет при этом жизненно важные для науки самоорганизацию и самоуправление.

Современная практика государственного управления наукой вызывает стойкое ощущение, что это мы уже проживали. Казалось бы, такие явления и соответствующая терминология, как формализм, мелочная регламентация, гипертрофированная бюрократизация, имитация деятельности, показуха, приписки, застой, остались далеко в прошлом – на той странице истории, которую давно и так трагически перелистнули. Но, оказывается, это не так.

Неужели история и впрямь вздумала повториться в виде фарса? Бюрократия постарается вновь взять под свой полный контроль всё, остановив тем самым развитие и саму жизнь? С помощью мелочного тотального контроля «всего и вся» она попытается устроить экономический рост, своего рода ускорение (темпы-то экономического роста, действительно, опять как раз такие, как в период застоя)? Когда это не получится (а это просто не может получиться), бюрократия устроит какое-то подобие перестройки (скажем, модернизацию)? Неужели и крах системы, а вместе с ней и угроза для самого существования страны уже заложены в этот инерционный процесс? Необходимо, наконец, вырваться из этой «новой нормальности», в которой мало нового и ещё меньше нормального.

Раз уж всё вернулось «на круги своя», и современная коррумпированная бюрократия повторяет путь своей советской предшественницы – идеологизированной бюрократии, то полезно вспомнить опыт осмысления в поздние советские годы назревавшего тогда краха административно-командной системы и страны. В рамках данной статьи речь при этом будет идти лишь об

административно-командной системе управления именно наукой и именно об опыте осмысления этой системы накануне её краха, когда ещё не всё было ясно.

В связи с дискредитацией наукометрии из-за её неадекватного использования в практике современного управления наукой, в том числе примитивного использования в наше время показателей публикационной активности для оценки эффективности науки, уместно напомнить, что буквально тем же была занята и уже агонизировавшая советская административно-командная система. Предупреждения учёных оказались тогда напрасными. А предупреждения были. И уровень понимания проблемы 30–40 лет назад был, полагаю, выше современного, как и в целом уровень профессионализма научного и управленческого сообществ.

Так, говоря о признанном классике в области статистики науки, в т. ч. в анализе публикационной активности, Д. Прайсе, профессор М. П. Чемоданов в 1982 г. писал, что «Д. Прайс несколько не абсолютизирует статью в качестве носителя информации и даже не видит за ней права на жизнь в будущем. На смену ей придут другие средства информации, которыми, вероятно, также можно будет воспользоваться для измерения параметров развития науки» [2, с. 19]. И сам М. П. Чемоданов предостерегает против отождествления количества публикаций с результативностью науки. «Действительно, – пишет он, – кому придёт в голову оценивать производительность дровосека по числу ударов топора?» [2, с. 19–20]. Но вот настало время, когда пришло.

Можно привести по крайней мере два примера описания советской административно-командной системы управления наукой с помощью показателей [3, 4, 5], авторы которых исходят из того, что административно-командная система нарушает естественную связь производства и потребления, спроса и предложения, нарушает нормальный обмен деятельностью между социальными субъектами. В идеальной модели производство лежит в основе потребления, поскольку создаёт сам предмет потребления. Предложение таким образом влияет на спрос. Потребление в свою очередь определяет производство, ставя ему цель. И спрос таким образом влияет на предложение. Именно эта естественная связь производства и потребления грубо нарушается административно-командной системой управления с характерным для неё всесилием администратора.

«РАБОТА НА ПОКАЗАТЕЛИ» И «ПРОИЗВОДСТВО ПОКАЗАТЕЛЕЙ»

Как отмечает В. Л. Тамбовцев, в советской административно-командной системе положение потребителя таково, что его спрос практически не влияет на предложение, которое определяется не спросом, а решениями органов государственного управления, лишь отчасти, косвенно и искажённо учитывающими реальный спрос потребителя. Это, по В. Л. Тамбовцеву, характерно для управления всей экономикой. «Сколько лет, например, мы твердим,

что потребитель должен направлять действия производителя. Но поскольку первый не властен командовать своими поставщиками, результат (точнее, отсутствие результата) налицо. По-прежнему «вал правит бал», а отнюдь не наши с вами потребности и спрос». Конечно, реальная экономическая жизнь, продолжает В. Л. Тамбовцев, повсеместно сопротивляется противоестественной логике административно-командной системы – «команды сверху идут своим чередом, а хозяйственник ведёт себя так, как выгодно ему». «Из всех важнейших показателей планов восьмой-двенадцатой пятилеток, – пишет В. Л. Тамбовцев, – ежегодно выполнялись и перевыполнялись разве что задания по освоению капитальных вложений, т. е. по расходу средств». «Неэффективность командной системы управления общественным производством, – констатирует автор, – признана сейчас всеми» [3, с. 3]. К чести В. Л. Тамбовцева, он уже тогда – в период рыночного романтизма – показывал не только необходимость экономических (рыночных) методов управления, но и вредность их абсолютизации, особенно применительно к сферам культуры, науки, воспроизводства человека [3, с. 3–4].

В административно-командной системе управления экономикой важнейшим инструментом управления неизбежно становится показатель. «Действительно, если уровень выполнения функции оценивает вышестоящая организация, она делает это (неизбежно!) по тем или иным показателям. Ведь непосредственно «перепробовать» все произведённые результаты – вещи, услуги, информацию – вышестоящий орган физически не в состоянии» [3, с. 20]. Зависимость производителя от «оценочных показателей», введённых вышестоящей организацией, порождает производство показателей, ведь «если благополучие производителя зависит от показателя, то он и начинает прежде всего «производить» показатели» [3, с. 20]. В советской практике это явление обычно называлось «работой на показатели».

В. Л. Тамбовцев задаётся вопросом: «Почему кто-то, кроме потребителя (а им могут быть, разумеется, и предприятие, и население города, и отдельный индивид), должен оценивать работу производителя? Вразумительный ответ вряд ли можно найти где-либо. ... Долгое время считалось, что только такая схема и возможна, ведь именно вышестоящая организация персонифицирует общественную потребность. Соответственно жаркие споры шли по поводу системы показателей, которыми задаётся план работы различных организаций, оценивается его выполнение» [3, с. 20].

Ставшее сейчас вновь популярным выражение «вам нужны шашечки или чтобы ехало?» пришло из того времени, когда показатели были важнее потребительной стоимости, а оценивал производителя не потребитель, а администратор. «В действительности же, – пишет В. Л. Тамбовцев, – субъектами общественных (в полном смысле слова) потребностей могут выступать самые различные структурные звенья и подсистемы общества. Значит, именно они-то и должны быть субъектами оценки уровня выполнения организации. Контроль преимущественно вертикальный должен быть заменён контролем преимущественно горизонтальным, контролем непосредственного потребителя продукции или услуг. Тогда и благополучие организации будет зависеть не от того, какими показателями она отчитается перед вы-

шестоящим органом управления, а от того, оплатит или не оплатит непосредственный потребитель результат её работы. Потребителю же нужны не показатели, а конкретная потребительная стоимость, её соответствие его индивидуальным потребностям» [3, с. 20–21].

При вертикальном контроле производство показателей становится важнее самого производства продукта и негативно сказывается на последнем. Как пишет В. Л. Тамбовцев: «Реально увидеть сверху результаты всех действий подчинённых весьма затруднительно, контроль осуществляется по документам. Отсюда возникает соблазн «произвести» хороший показатель (мы не имеем в виду приписки и искажения отчётности, т. е. сознательное нарушение закона). Произвести хороший показатель – значит выполнить распоряжение формально, так, чтобы фигурирующие в нём параметры были бы обеспечены, а остальные оказались бы такими, которые проще, легче реализовать исполнителю, но не обязательно наилучшими с точки зрения содержания приказа» [3, с. 26]. Поскольку В. Л. Тамбовцев писал для людей, живших в условиях административно-командной системы, то он резонно замечает, что «читателю нетрудно представить себе «арсенал» методов, с помощью которых можно достичь «показателей» в работе» [3, с. 53].

Эти идеи, изложенные В. Л. Тамбовцевым в монографии «Формальное и неформальное в управлении экономикой» (1990), развиты автором применительно к науке в монографии «Пятый рынок: экономические проблемы производства информации» (1993). Одной из причин глубокого разлада в цепочке производство – распределение – обмен – потребление в советской экономике, по мнению автора, является «командная система управления производством, ориентирующая работников, прежде всего руководителей, на обеспечение не производства продуктов или услуг, а отчётных показателей» [4, с. 11]. «Именно в сфере производства научно-технической информации, – замечает В. Л. Тамбовцев, – работа «на показатель» имеет наиболее разрушительные последствия, ибо её качество наименее поддаётся контролю собственника, а контроль потребителя отсутствует» [4, с. 31].

Уже в советское время научное производство было существенно деформировано неадекватной системой управления, хотя масштаб бедствия был, конечно, несопоставим с современным. По словам В. Л. Тамбовцева, «в мире, где преобладала «работа на показатель», развито было и стремление приобрести не столько знания и умения, сколько «показатели образования» – аттестат, диплом и т. п., наличие которых служило одним из условий роста в системе социальных ролей, оцениваемых по шкале престижа и обеспечения доступа к потреблению материальных и иных благ. Отсюда – распространение уголовно наказуемых форм приобретения «знаков образования»: взяточничество при поступлении в вузы, покупка дипломов и аттестатов, взятки за «сделанные» зачёты и экзамены, написание кандидатских диссертаций подставными лицами и т. п.» [4, с. 52].

Уже в советской системе сложился «рынок показателей». «Народное хозяйство, – пишет В. Л. Тамбовцев, – ещё только на подступах к рыночной экономике, а закон рынка «спрос определяет предложение» у нас давно действует в самой деликатной сфере – сфере управления. Правда, «торговля»

здесь идёт на уровне примитивного товарообмена: показатель на показатель. Хотя «прибыль» исчисляется не столько в экономических величинах, сколько в аппаратных ценностях. Абсурдность рынка показателей очевидна в первую очередь аппарату – он-то знает ему цену. Но отказаться от него не может. Потому что «рынок» – часть целого» [4, с. 77]. (Замечу: рынок показателей – часть административно-командной системы – Е.С.)

И этот «рынок» показателей возникает закономерно, он с неизбежностью вырастает из административно-командной системы, предполагающей работу на показатель, требующей «подмены выполнения функции организации достижением одобряемых сверху значений показателей. Если бы последние точно и адекватно выражали суть функции, этот феномен был бы невозможен. Однако неадекватность количественных измерителей социальному содержанию всего многообразия деятельности организации превращает работу на показатель в массовый вид «межуровневых» услуг, оказываемых низовыми звеньями вышестоящим. Плата за него – формальная, а не по существу, оценка уровня и качества выполнения функций элементарными организациями, т. е. предоставление им возможности за счёт меньших усилий добиться более высокого уровня удовлетворения своих потребностей» [4, с. 77–78].

В. Л. Тамбовцев квалифицирует как тупиковый сам способ управления, основанный на желании «вышестоящих звеньев оценивать работу нижестоящих вместо тех субъектов, которые непосредственно получают от последних результаты (продукты) их деятельности» [4, с. 78].

ПРОИЗВОДСТВО ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОДАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЙ

Близкая по сути концепция утвердившегося в позднем советском обществе производства показателей вместо производства знаний, технологий и компетенций разработана в монографии Е. В. Семёнова «Огонь и пепел науки» (1990).

Автор исходит из понимания общества как системы взаимодействия множества социальных субъектов. Взаимодействие в данном случае является именно взаимодействием, т. е. взаимной деятельностью как минимум двух социальных субъектов. Содержанием этого взаимодействия является обмен деятельностью между субъектами. Универсальной моделью такого обмена деятельностью является система производство – потребление (опредмечивание – распределмечивание, экстерииоризация – интерииоризация). Социальное взаимодействие всегда может быть представлено как единство актов производства и потребления, т. е. обмена живой и/или опредмеченной деятельностью.

Экономика с её производством, распределением, обменом и потреблением является лишь видом и сферой более широкой и ёмкой социальной реальности. Вся социальная реальность, не только её экономический фрагмент, описывается моделью связи производства и потребления, впервые разрабо-

танной именно для описания экономики, но описывающей всю социальную реальность. Эта модель приложима как к материальному производству, так и к духовному, включая науку, являющуюся интеллектуальным производством. Всякая система управления должна оптимизировать и повышать эффективность социального взаимодействия, обмена деятельностью, функционирования системы производство – потребление. Но не всякая система управления соответствует этому требованию.

В монографии «Огонь и пепел науки» описывается система управления наукой, вопиющим образом нарушающая естественную связь производства и потребления в сфере науки. Это – советская бюрократическая система управления, основанная на показателях. Автор, писавший об этом летом 1988 г. (время создания книги), и в дурном сне не мог представить, что через три десятилетия в стране утвердится ещё более антинаучная система управления наукой, как это произошло в постсоветской России, что идеологизированную административно-командную систему сменит её коррупционный вариант, что «науколюбивый обскурантизм», как его называл автор, сменится науконенавистническим обскурантизмом. Страна была интеллектуальной, и так не должно было случиться. Но это случилось и требует своего объяснения.

Автор приводит большое число фактов и оценок выдающихся современников, характеризовавших неэффективность и тупиковость бюрократического управления наукой. В конце 1980-х годов выдающийся математик, академик Б. В. Раушенбах писал: «Для того, чтобы не пропустить что-то важное, надо давать людям работать. У нас же наука построена так, что важна не работа, а бумажный (до электронного тогда ещё не дошло – Е. С.) отчёт о работе. Талантам в этой системе очень трудно, а бездельникам очень хорошо. Наша система запрограммирована на то, чтобы отстранять от активной работы... Планирование науки у нас происходит как планирование выпуска карандашей» [6, с. 1]. И это относится не только к организации научного производства, но и к организации всего общественного производства и всей жизни социума. Тогда же другой выдающийся учёный, академик В. А. Легасов, трагически ушедший из жизни после черновыльской катастрофы, в статье «Мой долг рассказать об этом...» (посмертная публикация фрагмента из неопубликованной рукописи) писал: «После того, как побывал на Чернобыльской станции, я сделал однозначный вывод, что чернобыльская авария – это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет» [7, с. 8].

Приведя эти и другие оценки, автор цитируемой монографии резюмирует: «Науку подчинили *производству показателей*, точно так же, как и материальное производство... Однако в науке эти валовые показатели ещё более абсурдны, чем в материальном производстве» [5, с. 21–22]. Сказанное накануне краха советской бюрократической системы и сейчас, спустя 30 лет, на мой взгляд, адекватно описывает как прошлую, так и сегодняшнюю удушающую науку систему производства показателей: «Создаётся впечатление, что, кроме открытой Марксом двойственности труда как производства потребительной стоимости и производства стоимости, в нашем обществе обна-

ружила себя ещё одна «двойственность»: производство потребительной стоимости для безгласных и бесправных потребителей и производство показателей для всесильного начальства. Сплошь и рядом производство показателей совсем забывает собственно производство каких-либо ценностей. И это имеет объяснение, так как все мы постоянно отчитываемся перед верхами..., контролируемыми ими. Всё наше благополучие зависит не столько от действительного положения дел, сколько от мнения, оценки администраторов. Что они проверяют? – ПОКАЗАТЕЛИ! И дело вовсе не в том, что показателей много или мало, что они не те. Дело в том, что производство показателей в отличие от производства стоимости – полная бессмыслица. Производство показателей – это всегда очковительство, это всегда приписки, это всегда игнорирование подлинных человеческих потребностей. Раз между производителем и потребителем втёрся узурпировавший право принятия решения администратор, нормальная связь производства и потребления, опосредованная распределением и обменом, нарушена» [5, с. 22].

Подчинение научного производства целям производства показателей позволяет бюрократии установить формальные, лишённые всякого содержания регламентацию и контроль, подавляющие самоорганизацию науки, разрушающие научное сообщество. По оценке автора цитируемой монографии, «главное, что мешает восстановлению научного сообщества, если не говорить об исторических и общекультурных факторах, это пресловутые административные методы управления, с неизбежностью вынуждающие науку ориентироваться на производство показателей... Постоянное и сильное давление на науку со стороны бюрократии деформировало всю её внутреннюю жизнь, произвело селекцию кадров, извратило этику науки, т. е. поставило науку в такое положение, когда прежде разрушенное репрессивным механизмом и невежественным диктатом, именуемым некомпетентным вмешательством, научное сообщество никак не может приобрести свой естественный облик. И пока не удастся переориентировать научное производство с показателей на истину, нормальная коллективная жизнь не имеет шансов на восстановление. Для производства показателей науке не нужны учёные, не нужно научное сообщество. Для возрождения научного сообщества нужно обязательно ликвидировать производство показателей, восстановив в своих правах производство знания» [5, с. 129].

В бюрократической системе наука превращается из производства ценностей для потребителя в предоставление услуг администратору. При таком положении дел «между учёным (производителем) и потребителями его продукта стоит аппарат, от которого всецело зависит вся реальная жизнь учёного и даже сама возможность заниматься исследованиями. И аппарат этот от учёных не зависит, а для закрепления этой своей независимости старательно укомплектовывает научное производство удобным человеческим материалом, к тому же заставляя его действовать в определённом силовом поле, создаваемом системой показателей» [5, с. 133].

Такая бюрократическая система управления научным производством, орудующая своим излюбленным инструментом – показателями, не развивает, а подавляет науку. И «как бы мы ни увеличивали аппарат, сколько бы

ни придумывали новых форм контроля и отчётности, новых показателей, всё это только во вред науке, поскольку усиливает произвол и без того всемогущего аппарата» [5, с. 136]. «Итак, ставка на совершенствование административно-командной системы ничего не даёт. Система производства показателей – а бюрократизация науки может вести только в эту сторону – не подлежит «дальнейшему совершенствованию». Всякое её совершенствование – бессмысленное упорствование в движении к абсурдному» [5, с. 136].

«ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ» УПРАВЛЕНИЕ ВОЗРОДИЛОСЬ

Решительный шаг в направлении полномасштабного восстановления системы административно-командного управления наукой с помощью показателей был сделан в 2012 г., когда науке было указано двигаться к показателям, которые в госаппарате и в науке назывались тогда просто: 2,44 и 1,78. Первый показатель – это доля (%) российских публикаций в общем мировом объёме публикаций (учитываются только публикации в журналах, включённые в международные базы данных), второй – доля (%) затрат на науку от ВВП страны (с учётом бюджетного и гипотетического внебюджетного финансирования). Третьим в этой компании показателей был средний размер заработной платы научного работника, который должен был к 2018 г. в два раза превышать средний размер заработной платы по региону.

Казалось бы, что это замечательные, полезные для науки нормативы, в которых присутствует и установка на рост продуктивности науки, причём качественной науки, и обеспокоенность доходами учёных, а также объёмом финансирования науки со стороны государства и бизнеса. Но в реальности получилось так, как об этом сказал однажды Президент РФ В. В. Путин: «Вроде бы всё делается по инструкции, всё правильно, но это как раз тот случай, когда порядок превращается в абсурд»².

К чему привело внедрение показателя по зарплате учёного, за невыполнение которого руководители организаций подвергались административным репрессиям? Увеличилась реальная заработная плата учёного? Так оно, вероятно, и произошло бы, если бы в достаточной степени выросло финансирование науки. Но этого роста не было, а показатель нужно было произвести. Бюрократия, прекрасно понимая бессмысленность этого, в рамках административно-командной системы управления наукой обязана была добиваться выполнения показателя. Руководителей организаций, взывавших к здравому смыслу, увольняли, делая это иногда показательно публично. За два-три года всех построили и воспитали. Все поняли, что придётся либо увольнять необходимых исследователей, либо вспомнить старую систему приписок. Все, буквально все, в науке и в системе государственного управления прекрасно понимают, как производится показатель по зарплате учёного, но изменить в этой инерционной системе уже ничего не могут. Порядок стал абсурдом, а абсурд – нормой.

² Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета РФ «О стратегии развития России до 2020 года». 2008. 8 февраля.

Академик РАН А. Г. Забродский (экс-директор Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе) в интервью говорит: «Как вы знаете, кампания по повышению зарплаты в академических институтах сопровождалась поголовным уменьшением занятости. То есть, научные сотрудники работают на пределе, по 10–12 часов в день, несмотря на то, что официально они числятся на полставки. Она (зарплата – Е. С.) – фикция, чтобы формально можно было отчитаться наверх о двукратном повышении зарплаты учёного» [8]. Руководитель научной организации, если это не новоиспечённый менеджер с купленной диссертацией, а именно руководитель научной организации, лучше других понимает, что увольнение кого-либо из уже ослабленных первичных научных групп (сектора, лаборатории) просто разрушит их работу, что увольнение целой группы ослабит уже и без того ослабленные за прошлые годы комплексы групп (отдел, центр, крупную лабораторию), что сокращение целого отдела резко ослабляет весь институт и ставит под угрозу развитие научного направления или даже научной дисциплины. Но финансирование (числитель) не растёт, значит, нужно сокращать численность исследователей (знаменатель). Иначе показатель не произвести.

Поэтому руководитель вынужден перевести часть исследователей (молодёжь) на технические должности и вывести их из знаменателя, заодно побуждая их тем самым подумать об уходе из профессии или отъезде из страны. Он вынужден также перевести часть или даже всех исследователей на неполную ставку при сохранении прежней производственной нагрузки и зарплаты. Это тоже уменьшает знаменатель, так как считаются не люди, а ставки. Такая самоорганизация научного сообщества в условиях возродившейся административно-командной системы управления позволяет сохранить бесценный научный корпус и даже сохранить учёным ранее достигнутый уровень зарплаты. И ещё удаётся произвести необходимый показатель фиктивного роста заработной платы. Делается это исключительно для всемогущего администратора – единственного заинтересованного потребителя показателей. И делается это во вред науке.

Не лучше и последствия внедрения показателей по публикационной активности, выросших из норматива 2,44 (теперь ещё увеличенного в два раза). Вся система отчётности, а также условия конкурсов, в том числе и в государственных фондах поддержки науки, вынуждает и отдельного учёного, и научные группы, и целые научные организации производить предписанные показатели по публикаторству.

Не умея ставить перед наукой содержательные цели и не доверяя науке право сделать это самостоятельно, некомпетентная бюрократия в рамках административно-командной системы устанавливает для науки бессодержательные показатели и ставит перед ней нормативы их выполнения.

Сейчас эта система основана на отождествлении научного результата с публикацией. Причём имеющими ценность признаются только публикации статей. Другие формы научного документа, в т. ч. монография, не учитываются. Поскольку современный российский администратор отечественной науке не доверяет, то учитываются публикации в журналах, входящих в международные базы данных. В самое последнее время сильный крен де-

ляется в сторону первых двух квартилей научных журналов, т. е. преимущественно англо-американских изданий. Это заложено в условия конкурсов Российского научного фонда (РНФ) и в национальный проект «Наука».

Разумеется, наука вынуждена производить предписанные ей показатели по публикаторству. Как и с ростом зарплаты учёного, с публикаторством у нас большие успехи. Но, как и с ростом зарплаты учёного, с публикаторской активностью нелишне разобратся повнимательнее. В самом деле, к чему реально приводит возгонка публикационной активности, да ещё именно в её современной, по принятому в научной среде определению, колониальной форме? Полагаю, что последствия давления на науку с помощью показателей публикационной активности, как минимум, противоречивы.

Сама по себе задача увеличения присутствия российской науки в международных базах данных, задача хотя и частная, не являющаяся целью российской науки, но несомненно положительная. При этом важны и способ интеграции в мировую науку, и цели этой интеграции. Степень присутствия российской науки в мировых базах данных в принципе не может быть, но, вопреки этому, является сейчас самоцелью. С помощью вталкивания российской науки в эти базы данных решаются, вероятно, две задачи, одна из которых связана с престижем государства, другая – с надеждами на повышение уровня отечественной науки за счёт её подчинения каким-то внешним требованиям. Отчасти можно согласиться с обеими этими целями. Отчасти, потому что это упрощённое и даже наивное понимание.

Престиж страны, государства, науки серьёзные люди оценивают иначе. Экс-руководитель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен в своей книге «Эпоха потрясений» пишет: «Ещё в студенческие годы меня поражало количество гениальных математиков с русскими именами. Такая культура, думал я тогда, заслуживает куда более развитой и совершенной экономики, чем та, что создана Советами» [9, с. 321]. Как видно, науку люди оценивают по достижениям, а не по количеству публикаций. И, как видно, жалкое состояние экономики при наличии в стране серьёзной науки не добавляет престижа государству, скорее, даже наоборот.

Лишь отчасти можно согласиться и с надеждами поднять уровень национальной науки за счёт её подчинения внешним показателям и колониальным условиям интеграции. Помощник Президента РФ по науке А. А. Фурсенко в 2014 г. в своей знаменитой записке Президенту писал: «Интеграция российской науки в мировое научное пространство, вопреки ожиданиям, не сделала её более эффективной. Более того, если в советское время, несмотря на активные действия наших конкурентов по сдерживанию развития науки в СССР, мы оставались конкурентоспособными по целому ряду направлений, то в настоящее время Россия практически полностью отказалась от собственных новых амбициозных проектов. Сохраняется зависимость от иностранной приборной базы, промышленная политика базируется в основном на зарубежных технологиях и оборудовании, большинство академических учёных в своих исследованиях ориентируются на приоритеты, сформулированные за рубежом, соглашаясь на вторые роли в международных проектах» [10, с. 6]. Ясно, что и новый заход с интеграцией за счёт публика-

торской активности оставляет российскую науку в лучшем случае на тех же вторых ролях и в том же зависимом положении.

К чему реально ведёт внедрённая система показателей публикационной активности? Во-первых, растёт число российских журналов, добившихся включения в мировые базы данных. Это очевидный плюс, особенно если не учитывать побочные последствия.

Во-вторых, растёт число (и доля) публикаций российских учёных в иностранных и российских журналах, включённых в международные базы данных. Опять же это хорошо, особенно если не учитывать то, за счёт чего это достигается.

В-третьих, порождённый давлением «показательного» управления вал публикаций, ставший самоцелью, девальвирует качество значительной части публикаций. Общий объём произведённого знания не возрастает, а разбавляется информационным шумом или, по образному выражению М. Ф. Черныша, «обводняется». Научный руководитель ИПФ РАН, академик А. Г. Литвак констатирует: «Сейчас действуют определённые параметры, по которым в Министерстве науки и высшего образования определяют, насколько важны публикации того или иного института. Эти параметры уже начинают восприниматься как цель самой работы, количественные индикаторы становятся важнее содержания научного труда. Неудивительно, что некоторые сотрудники искусственно завышают эти показатели. Вплоть до того, что публикуют «мусорные» статьи в сомнительных журналах, накручивают цитирование или прибегают к договорному цитированию» [11]. О том же говорит и директор ИФВД РАН, академик В. В. Бражкин, замечая, что «нам сейчас говорят, что нужно войти в пятёрку по числу публикаций (сейчас мы где-то на 10–15 месте, по физике – чуть лучше), это не очень правильно», но «мы вынуждены писать много статей. Порой вместо того, чтобы написать одну хорошую, пишем пять средних или десять плохих» [12, с. 37]. Это очевидно и вполне осознаётся обществом: «Искусственное создание видимости успешного развития российской науки путём раздувания всего одного показателя – публикационной активности – глобальный обман мирового научного сообщества и самих себя» [8].

В-четвёртых, усиливается, особенно в случае с ориентацией на первый и второй квартили, персональная зависимость российских учёных от западных коллег, прежде всего работающих в США и Великобритании. Механизмом усиления этой зависимости является вынужденное соавторство. Российский учёный, имеющий серьёзный научный результат, чтобы попасть в журнал первых квартилей, часто вынужден поделиться своим результатом с вхожим в журнал иностранным коллегой за счёт псевдосоавторства. (Вспоминается история с дарственной надписью «Соавтору от автора» на книге). В. В. Бражкин говорит о публикациях российских учёных в западных, особенно англо-американских, журналах: «Если в 1990-е годы российские публикации приветствовались, даже относительно слабые, то сейчас я вижу, что идёт не совсем честная игра. Особенно это касается высокорейтинговых журналов. Мне гораздо легче опубликовать статью с соавтором из Англии, чем самому сражаться за неё» [12]. Внедрённая система показателей служит ограблению и унижению российских учёных и российской науки.

В-пятых, принуждение к публикации в журналах первых квартилей усиливает настроения части учёных на отъезд из страны. Особенно это касается учёных, уже имеющих серьёзные научные результаты, с которыми они за счёт индивидуальной интеграции в западные научные центры смогут вести научные исследования и публиковать их результаты в тех же журналах уже без унижительного соавторства. Это касается и молодых учёных, которые ещё только выстраивают свою профессиональную карьеру и решают, соглашаться ли им сразу только на вторые роли, оставаясь в России, или рискнуть уехать из страны и попробовать свои силы там, где учёным принадлежат первые роли. Внедрённая система показателей дополнительно побуждает учёных эмигрировать.

В-шестых, превращение публикаторства в цель науки лишает её социального назначения, социально значимых функций. Ж. И. Алфёров, говоря о сфере своих профессиональных интересов – физике полупроводников, полупроводниковая электроника и электронная компонентная база – замечает: «Ведь не только статьи публиковали раньше – промышленное производство у нас начиналось» [1]. Там, где наука существует ради публикаторства, промышленное производство заканчивается, даже не начавшись. В советское время это называлось «обогревать атмосферу».

«ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ» УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМИРУЕТ НАУКУ В КВАЗИНАУКУ

Академик В. В. Бражкин, возможно, несколько утрируя, говорит, что у учёного «сейчас половина времени уходит на заявки на гранты, а половина – на отчёты по ним. А в остальное время, в перерывах, – слабые статьи в потогонном режиме. Нам ставят в пример Китай, где за последние годы в три раза выросло количество научных сотрудников и в 20 раз – количество публикаций. Но могу сказать, что 99% публикаций китайцев в моей области можно смело выбросить в мусорную корзину. Многие из них опубликованы в приличных журналах, поскольку есть масса фирм, которые организуют всё это за деньги» [12].

Китайская наука, по многим свидетельствам, действительно чрезвычайно захлапленная всякой туфтой, – это и отдельная тема, и тема, заслуживающая внимания в связи с масштабным распространением диссертационной и публикационной мафии в России. Э. М. Мирский писал ещё в 2011 г.: «Китайская ассоциация науки и технологий провела опрос, который показал, что почти половина исследователей в Китае считает ненадлежащее поведение в науке общераспространённой практикой. Когда респондентов попросили оценить серьёзность распространения таких явлений, как плагиат, мошенничество и автоплагиат, оценки «серьёзное» и «очень серьёзное» дали соответственно 43,4, 45,2 и 51,2%. При анализе на плагиат, проведённом в 2007 г., в выборке китайских данных в 72% статей был обнаружен плагиат, в 24% – частичный плагиат, только 4% статей не содержали плагиата» [13, с. 29]. Эти данные вполне коррелируют с тем, что сказал о захлапнении китайской науки В. В. Бражкин.

Особое значение для России имеет тема «фирм», генерирующих научный хлам, что уже несколько лет изучается на примере китайской науки. Это и российская тема тоже, ставшая особенно актуальной в условиях, созданных во многом именно благодаря «показательному» управлению наукой. Э. М. Мирский отмечал «особый размах» в Китае уже 10 лет назад такого явления, «как фабрикация научных статей: в 2008 г. не менее 4700 человек в Китае покупали статьи, которые писались на английском кем-то другим. В 2007 г. общий объём покупаемых статей в Китае оценивался в размере 1,8 млрд юаней (270 млн долл. США). В 2009 г. он вырос в 5,5 раз. В одной компании по торговле статьями в г. Ухань работает на полной ставке 80 фабрикантов статей. Она имеет прямой контакт с редакторами 200 журналов» [13, с. 29–30].

The Insider провёл расследование механизмов и масштабов фабрикации публикаций в России, показавшее, что «в России существуют десятки контор, предлагающих любому желающему (в том числе и человеку, не имеющему никаких представлений о науке) стать соавтором научной публикации по любой специальности на выбор – саму статью напишут анонимные «рабы», вас попросят лишь сказать своё имя и перечислить сумму (как правило, скромную). The Insider провёл контрольную закупку, превратив своего корреспондента в специалиста в сфере экономического образования. Как выяснилось, подобные услуги весьма популярны в российских вузах» [14].

В статье с характерным названием «Фокус-Scopus» непосредственный участник расследования А. Литой купил соавторство в статье «Проектное обучение как инструмент формирования предпринимательских навыков студентов», подготовленной фирмой «Международный издатель» и опубликованной в американском журнале *Journal of Entrepreneurship Education* («Журнал предпринимательского образования»), входящем в международную базу данных Scopus (Q3), за 32,2 тыс. руб. А. Литой подробно описал детали и результаты своего эксперимента, выявившего устройство, нравы и масштабы целой теневой отрасли фабрикации научного хлама.

Автор даёт ряд общих оценок и делает ряд общих выводов, вытекающих из проведённого эксперимента. Он отмечает в частности, что «в России сложился огромный рынок продажи соавторства» и «существует множество бирж, выступающих посредниками между покупателями, редакциями и литературными рабами». У подобных фирм есть партнёры в российской системе образования. Так, у фирмы «Международный издатель» (судя по сайту госзакупок) это и биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, и РХТУ им. Д. И. Менделеева, и, по словам представителя фирмы, все журналы, входящие в список ВАК.

Автор отмечает также, что сложно оценить общий объём рынка, ведь «только на сайте госзакупок есть информация о контрактах на сотни миллионов рублей, которые российские вузы заплатили разным компаниям за содействие в публикации в журналах, индексируемых международными научными базами. Там отображаются деньги, потраченные из госбюджета, но покупать соавторство статьи многие могут и за личные средства», поскольку нужно же и переизбираться по конкурсу на должность, и отчитываться по грантам. Административно-командная система вынуждает производить по-

казатели. Печален итоговый вывод молодого человека, окунувшегося в мир насаждаемой сверху гнусности: «Тот факт, что весь этот бизнес существует открыто, указывает на то, что эта система устраивает и её участников, и российских чиновников. А вот кому она совершенно не нужна, так это российской науке» [14].

Особо следует обратить внимание на отмеченное А. Литым стремление фирм по производству научного хлама, в т. ч. фирмы «Международный издатель», «покупать научные журналы, чтобы не зависеть от «прихотей» их редколлегий, иметь возможность чётко соблюдать обязательства перед заказчиками. Как выяснил The Insider, сегодня они действительно контролируют ряд журналов».

Во что могут превратиться академические журналы в «умелых» руках можно понять, ознакомившись с Докладом Вольного сетевого сообщества «Диссернет» «Российские научные журналы и публикационная этика», в котором, в частности, показано распространение «самого злокачественного явления», т. е. журналов, специально созданных «для извлечения прибыли от желающих опубликоваться авторов». Как сказано в Докладе, для России это явление наиболее опасно, поскольку «наука в России почти полностью интегрирована в государственные структуры с централизованным управлением: высокие публикационные показатели означают защиту диссертации, финансовые надбавки, повышение в должности и прочие блага для научно-преподавательского состава в государственных учреждениях» [15].

НАУЧНОЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВА

В научном сообществе существует практически полное согласие по поводу отношения к возродившейся системе производства показателей. Но диалог с управленческим сообществом в настоящее время совершенно расстроен. Между этими сообществами нет нормальной циркуляции идей, есть только циркуляция приказов и отчётов. Взаимное недоверие и неуважение между ними сейчас значительно сильнее того, которое существовало в советский период, и того, которое было ещё несколько лет назад. Управленческое сообщество выражает своё недоверие науке и учёным, а также полное неуважение к ним в своей практической политике. Научное сообщество выражает своё аналогичное отношение к системе управления наукой и управленцам потоком критики. Это – патовая ситуация.

Практику работы на показатели в советское время тоже было разрешено «критиковать», разрешалось подвергать сомнению наиболее абсурдные из используемых показателей и предлагать взамен им какие-нибудь другие, власти обязаны были «прислушиваться к критике», т. е. делать вид, что «недостатки устраняются». Как говорилось в одном анекдоте, «ну, чисто дети». Критиковать конкретные показатели всё равно, что иметь претензии к ботинку, надетому на пинающую тебя ногу. Но делалось именно так, поскольку причиной бед считалась не административно-командная система, а лишь несовершенство используемого ею инструмента – системы показателей. Наиболее угодливые говорили даже, что проблемы в недостаточной

полноте системы показателей, недостаточно жёстком контроле за их выполнением и недостаточно строгом наказании за их невыполнение. Как говорил один учёный в андроповское время: «Будут «магаданы» – будет порядок, будет порядок – будет всё».

Современная критика системы производства показателей сталкивается с таким же репрессивным по сути бюрократическим мышлением, смехотворной верой (или её имитацией) в то, что тотальный бюрократический контроль может быть эффективен в сфере научного производства. Исследователи с большим пониманием сути дела указывают и на низкое качество используемых показателей, и на порочную практику их использования в управлении наукой.

Так, применительно к социогуманитарным наукам, резонно указывается на крайнюю однобокость показателя публикационной активности, учитывающего только одну из форм научного документа – научную статью. Потерянными оказываются научные результаты, содержащиеся в монографиях, результаты деятельности по подготовке кадров и популяризации науки, участия в актуальной общественной дискуссии, экспертной работы. При этом количество полностью вытесняет качество, зарубежное признание – содержательность оценки [16]. Об этом же применительно ко всей науке говорит академик А. Г. Литвак, по словам которого «Публикации – это важно, но научная работа состоит не только из них. Педагогическая деятельность, образовательная, популяризация науки – слишком много факторов» [11].

Порочность такого «показательного» управления наукой обстоятельно показана в серии выступлений, докладов и интервью М. Ф. Черныша, анализирующего взаимодействие управленческого и научного сообществ. Чиновник не обладает компетенциями для оценки содержания, качества результатов научной работы: «Для науки такими экспертами могут быть только сами учёные, и более никто». Но чиновник не доверяет учёным и оценивает научные результаты самостоятельно, доступным ему способом, т. е. чисто количественно – по числу публикаций в индексированных журналах. Против этой «банальной профанации» у учёных есть средство защиты: «Учёные научаются обманывать систему, заваливая журналы «сырватой», мягко говоря, продукцией». И это состязание только углубляет недоверие, обесмысливает процесс управления наукой и губит саму науку – «если решать дилемму выбором в пользу количества, то рано или поздно это ослабит науку, реальную науку оставит на периферии, а основной поток научной деятельности станет её имитацией под громкие реляции чиновников-управленцев». Выход из создавшегося положения – в восстановлении отношений между профессиональными сообществами на основе доверия, но этот выход маловероятен: «Есть подозрение, что вариант «больше доверия» чиновниками вообще не рассматривается, а значит, мы обречены на то, чтобы тратить большую часть времени на бессмысленную отчётность потому, что иначе как отчётностью многие из публикаций, которые делаются подобным образом, назвать невозможно» [17, с. 19–20].

Сказанное относится ко всей науке. Для социогуманитарных наук дополнительную угрозу представляет их принудительная ориентация с по-

мощью конкурсов РНФ и нацпроекта «Наука» на первый и второй кварталы журналов. Как показал М. Ф. Черныш, «90,9% всех изданий первого квартала по общественным дисциплинам издаются в Соединенных Штатах и Великобритании». При этом по общественным наукам в первом квартале полностью отсутствуют некоторые страны с развитой общественной наукой, включая Францию и Китай. Германии принадлежит лишь 1,9% изданий первого квартала по общественным наукам. «Первый квартал – и это непреложный факт – полностью монополизирован англосаксонскими изданиями. Требование публиковать в этих изданиях по большому счёту нереализуемо» [18, с. 8–9]. Да и в этом ли должны быть смысл национального проекта «Наука» и назначение Российского научного фонда?

«Давайте признаем, – резюмирует М. Ф. Черныш, – та система, которая существовала до 2014 года, была далека от совершенства, но подменять её «упрощёнкой», по которой всё зависит от числа публикаций, – это грубая управленческая ошибка, которая ведёт к разрушению науки, повсеместной «туфте» [18, с. 16].

КРАХ «ПОКАЗАТЕЛЬНОГО» УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ НЕИЗБЕЖЕН. ЧТО ПОСЛЕ?

В России утвердилась «новая нормальность», т. е. восстановилась старая система административно-командного управления наукой. Вместо производства нового знания и его воплощения в человеческом потенциале и технологиях налажена масштабная и интенсивная циркуляция приказов и отчётов. Сверху – приказы, снизу – отчёты. Бюрократическая благодать. Исследователи, научные группы, целые научные организации с отвращением занимаются составлением всё более пустых отчётов по всё более бессодержательным приказам. И чем лучше налажена циркуляция приказов и отчётов, тем в большее расстройство приходит само научное производство. Производство показателей подавляет собственно производство знаний, технологий и компетенций. Бюрократическая регламентация подавляет самоорганизацию науки, подрывает саму возможность развития науки и её эффективного вклада в развитие страны.

И ведь уже было всё это. Известно даже, чем это бюрократическое процветание закончилось. Сначала эта система управления ввергла экономику, а вместе с ней и науку, в состояние, как все потом признали, «застоя». Ну совсем такого, как сегодняшней наш «рост». Потом бюрократия попробовала усилить свой тотальный контроль и устроить с его помощью «ускорение», то есть, как тогда в народе говорили, делать то же самое «тяп-ляп», только гораздо быстрее. Когда с ускорением «тяп-ляп» не получилось, учинили «перестройку» для возвращения в русло общецивилизационного развития. Ну а уж после этого случился полный коллапс. И вот, побродив почти библейские тридцать лет за неимением пустыни по всем местным топям, мы, то есть остатки страны (вместе с остатками науки), оказались в знакомом историческом месте в тисках до боли родной административно-командной

системы. Что-то в этой системе, конечно, изменилось – исчезла поднадоевшая идеологизированность, зато появилась коррумпированность. Новая нормальность – она хоть и новая, но всё ещё та нормальность.

Со всех уровней властной вертикали нас многократно известили о том, что сейчас нужны крупные проекты, и пояснили, что такие же крупные, как атомный и космический. Хотя ведь ясно, что при такой постановке задачи проекты, подобные атомному и космическому, появиться не могут. Когда запускали атомный и космический проекты, не говорили о нужности крупных проектов. Говорили не о показательной крупности, а о реальных проблемах, которые стране и науке необходимо решить, чтобы выжить. Оказалось, что решение этих проблем потребовало крупных проектов. Другого способа решения тех масштабных проблем просто не было. Но размер не был самоцелью. Шли от проблемы, от содержания. Если всё сводится просто к размеру, то ничего, кроме удобства распила, за этим не стоит. Появиться может только проект крупного распила.

Но у страны действительно есть проблемы, без решения которых у неё нет будущего. Едва ли не важнейшей из этих проблем является нарастающее технологическое отставание России от стран и групп стран, уже являющихся лидерами технологического развития, а в перспективе, возможно, его монополистами. И это та проблема, которая в принципе не может быть решена без науки. Потребуется ли для решения проблемы технологического отставания один крупный или система крупных, средних и мелких проектов, ясно станет, если не подражать прошлому, а использовать его опыт, т. е. ставить проблему, искать способы её решения, находить адекватную масштабу и сложности проблемы форму организации, увязки задач, ресурсов, сроков.

Потребуется и крайне неприятные для административно-командной системы решения, такие, как массовое устранение из неё некомпетентных бухгалтеров и завхозов, возомнивших себя менеджерами, и замена их профессионалами, специалистами. Возвращение категории профессионалов в систему государственного управления – абсолютно обязательное и трудновыполнимое условие. Персонажам с ворованными диссертациями нечего делать в науке и в системе управления наукой. Это относится и к множеству раздувшихся от амбициозности полуграмотных карьеристов.

Вот это-то и необходимо изменить в первую очередь. Руководить наукой могут только те, кто делают науку, успешно делают, любят ее и, прошу прощения, беззаветно преданы ей. Управление наукой с ненавистью к этой науке – всего лишь временное модное извращение. Для атомного и космического проектов, кстати, тоже потребовались не амбициозные карьеристы с ворованными диссертациями, далёкие от профессии, а профессионалы, которых пришлось выискивать даже по лагерям. Сейчас каким-то аналогом этого является возвращение специалистов из-за границы. Это для Козьмы Пруткова история была драмой, в которой «человеки репетируют свои роли в назидание потомкам». Россия не может позволить себе такой абсурд. Порепетировали и хватит. Время для страны и так остановилось слишком надолго.

Можно ли при административно-командной системе управления наукой решить проблему технологического отставания страны? Думаю, что нет.

Но ведь в случае с атомным и космическим проектом это получилось. Да. Потому что потребителем «изделия» – продукта того и другого из этих проектов было само государство с его административно-командной системой. Государство заказало эти «изделия» для себя, для собственного потребления. Связь производства и потребления, спроса и предложения не была нарушена. Там же, где реальным потребителем было не само государство, а какой-то другой субъект, но государство влезло между производителем и потребителем, нарушив тем самым естественное положение вещей, оно приводило к застою.

Административно-командная система уродует естественную связь производства и потребления. Производитель, если он зависит от администратора больше, чем от потребителя, переориентируется на «хотелки» администратора больше, чем на потребности потребителя. Но администратор, не являющийся реальным заинтересованным потребителем продукта, и заменяет его показателями. Администратор потребляет показатели. И производитель в системе административно-командного управления вынужден ориентироваться не на потребительскую стоимость и качество продукта, а на производство показателей для администратора. Так было в Советском Союзе и закономерно закончилось, на беду, вместе с самим Советским Союзом. Так и в современной России. Только сейчас, в полном соответствии с поговоркой об истории, которая повторяется дважды, производство показателей в науке доведено до фарса. Таким же неизбежно будет и финал этого второго пришествия административно-командной системы. Система государственного управления должна опереться на профессиональных и действительно заинтересованных в развитии науки, технологий и промышленности ученых и производителей. Баловство с показателями должно прекратиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельяненко А. Трудные ответы. Главная беда нашей науки в том, что на неё нет спроса, убежден лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов // Российская газета. 2010. 15 марта. № 52 (5131).
2. Чемоданов М. П. Концепции роста науки и фактор интенсификации. Новосибирск: Наука, 1982. 199 с.
3. Тамбовцев В. Л. Формальное и неформальное в управлении экономикой. М.: Наука, 1990. 95 с.
4. Тамбовцев В. Л. Пятый рынок: экономические проблемы производства информации. М.: Издательство МГУ, 1993. 128 с.
5. Семёнов Е. В. Огонь и пепел науки. Новосибирск: Наука, 1990. 187 с.
6. Раушенбах Б. «У нас огромен балласт научных кадров». Важна работа, а не отчет // Аргументы и факты. 1988. 23 июля. № 30. С. 1.
7. «Мой долг рассказать об этом...». Из записок академика В. Легасова // Правда. 1988. 20 мая. № 141.
8. Веденеева Н. Академик об уровне науки: низкая зарплата, изношенная материальная база [Электронный ресурс] // МК.RU. 2019. 6 марта. URL: <https://www.mk.ru/science/2019/03/06/akademik-ob-urovne-nauki-nizkaya-zarplata-iznoshennaya-materialnaya-baza.html> (дата обращения: 06.06.2019).
9. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Пер. с англ. Т. Гутман, В. Ионов, С. Сурин. М.: Юнайтед Пресс, 2010. 518 с.

10. Фурсенко А. А. Документ // Троицкий вариант–Наука. 2014. 15 июля. № 158.
11. Литвак А. Почему наука оказалась в сфере услуг? // Аргументы и факты. 2019. 24 апреля. № 17.
12. Бражкин В. В. РАН и институты приравнены к парикмахерским // Коммерсантъ Наука. 2019. 26 февраля. № 4. С. 37.
13. Мирский Э. М., Юдин Б. Г. Человеческое измерение НТП // Наука. Инновации. Образование. 2011. Вып. 10. С. 25–45.
14. Литой А. Фокус-Scopus. Как за деньги купить место среди соавторов западного научного журнала [Электронный ресурс] // The Insider: [веб-сайт]. 2019. 10 июля. URL: <https://theins.ru/obshestvo/165368> (дата обращения: 14.02.2020).
15. Российские научные журналы и публикационная этика [Электронный ресурс] // Диссернет: [веб-сайт]. Доклад «Диссернета» [IV]. 2018. 12 марта. URL: https://www.dissernet.org/publications/nauchnye_zhurnaly_u_publicationnaya_etique.htm (дата обращения: 14.12.2019).
16. Горшков М. К., Черныш М. Ф. О критериях оценки результативности деятельности научных организаций и учёных в области общественных наук // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Вып. 3. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. С. 663–677.
17. Учёные записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Учёного совета (Москва, 19 декабря 2018 г.). Вып. 1. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 64 с.
18. Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 4. О критериях оценки результативности деятельности учёных в области общественных наук. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 60 с.

Статья поступила в редакцию 07.02.2020.

PRODUCTION OF INDICATORS AS A MECHANISM FOR SUPPRESSION OF PRODUCTION OF KNOWLEDGE, TECHNOLOGY AND COMPETENCIES

Evgeny V. Semenov

Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the RAS, Moscow, Russian Federation

eugen.semenov@inbox.ru

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.4

Abstract. On the eve of the collapse of the Soviet Union, public administration of the scientific and technological system was shifting more and more towards the total use of such a “tool” as estimated indicators. The article provides examples of the analysis of the harmful consequences of administrative-command coercion of Soviet science to produce indicators in V.L. Tambovtsev’s two monographs of 1990 and 1993 and in E.V. Semenov’s monograph of 1990. The experience of this analysis thirty years ago became again relevant in connec-

tion with the restoration in Russia, starting from 2012, of a system of administrative-command management of science, which based on forcing science to produce indicators.

The article shows how, under the pressure of production of indicators, the transformation of science from the production of knowledge to the production of informational noise occurs. It shows that scientific production under the conditions of “demonstrative” management forced to reorient from the production of knowledge for its consumer to the production of indicators for the administrator. Work on indicators leads to the degradation of scientific organizations and a decrease in the professional level of the scientific community. The situation aggravated by a catastrophic decline in the professional level of government officials responsible for scientific and technological policy and the management of the scientific and technological field.

The way out of this situation is possible due to the mass return to the system of state administration of science, starting with key positions, the category of professionals, by revising the system of goals and objectives of the country’s scientific and technological development, including replacing formal indicators and standards with meaningful goals and objectives, by the way of revival of the system of self-organization and wide self-government of the scientific community, by launching an innovative system that allows one to switch scientific production from reports to administrator to the production of knowledge, competencies, research and development for the real sector of the economy.

Keywords: scientific production; production of knowledge; production of indicators; work for indicators; administrative-command system; science and technology policy; governance of science and technology system.

For citation: Semenov, E. V. (2020). Production of indicators as a mechanism for suppression of production of knowledge, technology and competencies. *Science management: theory and practice*. Vol. 2. No. 1. P. 69–93. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.1.4

REFERENCES

1. Emelyanenko, A. (2010). Trudnye otvety. Glavnaya beda nashei nauki v tom, chto na nee net sprosa, ubezhden laureat Nobelevskoi premii Zhores Alferov [Difficult answers. The main problem of our science is that there is no demand for it, says Nobel prize winner Zhores Alferov]. *Russian Newspaper*. March 15. No. 52. (In Russ.).
2. Chemodanov, M. P. (1982). *Kontseptsii rosta nauki i faktor intensivatsii* [The concept of the growth of science and a factor of intensification]. Novosibirsk: Nauka. 199 p. (In Russ.).
3. Tambovtsev, V. L. (1990). *Formal’noe i neformal’noe v upravlenii ehkonomikoi* [Formal and informal in economic management]. Moscow: Nauka. 95 p. (In Russ.).
4. Tambovtsev, V. L. (1993). *Pyatyi rynek: ehkonomicheskie problemy proizvodstva informatsii* [Fifth market: economic problems of information production]. Moscow: Moscow University Press. 128 p. (In Russ.).
5. Semenov, E. V. (1990). *Ogon’ i pepel nauki* [Fire and ashes of science]. Novosibirsk: Nauka. 187 p. (In Russ.).
6. Rauschenbach, B. (1988). «U nas ogromen ballast nauchnykh kadrov». Vazhna rabota, a ne otchet [“We have a huge ballast of scientific personnel.” The work is important, not the report]. *Arguments and facts*. July 23. No. 30. P. 1 (In Russ.).

7. «Moi dolg rasskazat' ob ehtom...». Iz zapisok akademika V. Legasova [“It’s my duty to tell you about it...” From the notes of academician V. Legasov]. (1988). *Pravda*. May 20. No. 141. (In Russ.).
8. Vedeneeva, N. (2019). Akademik ob urovne nauki: nizkaya zarplata, iznoshennaya material'naya baza [Academician on the level of science: low salary, worn-out material base]. [Electronic resource]. *MK.RU*. March 6. URL: <https://www.mk.ru/science/2019/03/06/akademik-ob-urovne-nauki-nizkaya-zarplata-iznoshennaya-materialnaya-baza.html> (accessed 06.06.2019). (In Russ.).
9. Greenspen, A. (2010). *Ehpokha potryaseni. Problemy i perspektivy mirovoi finansovoi sistemy* [The age of turbulence. Adventures in a New World the Penguin Press]. Transl. from English T. Gutman, V. Ionov, S. Surin. Moscow: United Press. 518 p. (In Russ.).
10. Fursenko, A. A. (2014). Document. *Troitskij variant–Nauka*. July 15. No. 158. (In Russ.).
11. Litvak, A. (2019). Pochemu nauka okazalas' v sfere uslug [Why was science in the service sector?]. *Arguments and facts*. April 24. No. 17. (In Russ.).
12. Brazhkin, V. V. (2019). RAN i instituty priravneny k parikmacherskim [RAS and institutes are equated to hairdressers]. *Commerzant Nauka*. February 26. No 4. P. 37. (In Russ.).
13. Mirskij, E. M., Judin, B. G. (2011). Chelovecheskoe izmerenie NTP [The human dimension of NTP]. *Science. Innovation. Education*. No. 10. P. 25–45. (In Russ.).
14. Litoj, A. (2019). Fokus-Scopus. Kak za den'gi kupit' mesto sredi soavtorov zapadnogo nauchnogo zhurnala [The Focus-Scopus. How to buy a place among the co-authors of a Western scientific journal for money]. [Electronic resource]. *The Insider*: [web-site]. July 10. URL: <https://theins.ru/obshestvo/165368> (accessed 14.02.2020). (In Russ.).
15. Rossiiskie nauchnye zhurnaly i publikatsionnaya ehtika [Russian scientific journals and publication ethics]. (2018). [Electronic resource]. *Dissernet*: [web-site]. Report “Dissernet” (IV). 2018. March 12. URL: https://www.dissernet.org/publications/naychnye_zhurnaly_y_publicationnaya_etique.htm (accessed 14.12.2020). (In Russ.).
16. Gorschkov, M. K., Chernysh, M. F. (2018). O kriteriyakh otsenki rezul'tativnosti deyatel'nosti nauchnykh organizatsii i uchenykh v oblasti obshchestvennykh nauk [Criteria for evaluating the performance of scientific organizations and scientists in the field of social Sciences]. (2018). *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potentsial razvitiya*. No. 3. Moscow: Center for social forecasting and marketing. P. 663–677. (In Russ.).
17. *Uchenye zapiski FNISTs RAN: materialy zasedaniya Uchenogo soveta* (Moskva, 19 dekabrya 2018 g.) [Scientific notes of FCTAS RAS: proceedings of the Scientific Council meeting (Moscow, December 19, 2018)]. (2019). No. 1. Moscow: FCTAS RAS. 64 p. (In Russ.).
18. *Uchenye zapiski FNISTs RAN. O kriteriyakh otsenki rezul'tativnosti deyatel'nosti uchenykh v oblasti obshchestvennykh nauk* [Scientific notes of FCTAS RAS. On criteria for evaluating the performance of scientists in the field of social Sciences]. (2019). Ed. by M. K. Gorshkov. No. 4. Moscow: FCTAS RAS. 60 p. (In Russ.).

The article was submitted on 07.02.2020.